

- Её хочет Интерпол. Зови Тадеуша, - пограничник передаёт коллеге мой загранпаспорт.

- Анна, по запросу Интерпола мы должны проверить обстоятельства Вашего приезда в Бельгию. Пожалуйста, пройдите за линию досмотра.

- Интерпола? - застываю, провожая взглядом паспорт с торчащим из него билетом «Брюссель-Рейкьявик, - В чём дело?

Пограничник показывает в сторону серой двери с надписью «Полиция»:

- За Вами пришли.

Передо мной возникает Тадеуш – огромный лысый полицейский. Он смотрит на меня без тени сочувствия. На поясе оружие, с другой стороны наручники.

- Говорите по-французски? - спрашивает он меня по-французски.

- Ноу, - на всякий случай говорю я, чтобы мочь подслушивать (ну, как в кино).

- По-английски?

- Ес! - дальше все на английском.

- Пройдёмте со мной. У нас к вам вопросы. Вы подозреваетесь в преступлении на территории своей страны. Мы пошли бесконечными коридорами. Я постаралась успокоиться, но не вышло. От стресса, от уха до уха на моём лице расплзлась безумная улыбка. Я не могу с ней справиться, кривлю рот, и вдруг начинаю хихикать. Тадеуш оборачивается на меня, приподнимает бровь, и я тут же делаю вид, что поперхнулась.

Мы свернули в последний тёмный коридор, Тадеуш открыл магнитным ключом пошарпанную дверь, и я попала в просторную комнату с решеткой и лавками по периметру.

- Сидите здесь. Вас позовут, – хмуро сказал Тадеуш, поправил кобуру и закрыл за мной дверь. Я шмыгнула на лавку, нервно выдохнула и решила оглядеться.

Помимо меня, подозрительных лиц за решёткой было ещё четверо. Семейная пара мусульман в чёрных одеждах заняла всю угловую секцию кресел, они то молились, а то ругались друг на друга и, казалось, вообще не обращали внимания на окружающий мир. В противоположном углу сидел «сумасшедший учёный». Это мой любимый типаж с детства: взлохмаченный пожилой мужчина, непременно в очках, немного дёрганный. В идеале должен переливать что-то зелёное из колбы в колбу или кричать «Мы все умрём!» и раскатисто хохотать. Но этот сидел смиренно, только зачем-то обшаривал взглядом стены помещения.

Между нами всеми широкими шагами курсировал темнокожий парень с маленькими кудряшками на голове. У него были огромные руки и потрясающей формы череп, будто он не раз штурмовал им двери и стены. Я бы и хотела не пялиться на него, но не могла. Он заметил это и ободряюще улыбнулся. Передние зубы отсутствовали.

И я сразу поняла, что именно он в нашей команде супергероев будет ударной силой. Когда сумасшедший учёный вычислит, где здесь заваленный древний ход, парень сокрушит стену, раздвинет руками старинные чугунные прутья и останется прикрывать наш отход. Я, разумеется, буду лидером побега, его душой и храбростью, буду кричать «Берегись!», печёнкой почуяв встроенные в стены ловушки.

Пара в чёрном будет все время отставать, и придётся учёному на бегу готовить зелье, заволакивающее туманом наше отступление. Возможно, мы доберёмся до выхода, даже не пожертвовав темнокожим парнем, и вот тут, оказавшись на маленьком пятачке скалы над бездонным обрывом, мы порадуемся, что не сдали врагу пару в чёрном. Потому что перед нами в воздухе зависнет огромный вертолёт, и оттуда, протягивая руки, закричат: «Господин Шейх, вы целы! Скорее садитесь! Это ваши друзья?».

Мы все запрыгнем внутрь, сумасшедший учёный кинет последнюю дымовую бомбочку, и вертолёт взмочет в небеса. И там, на высоте, за пределами недружественной страны, мы все по-доброму посмеемся над неловкостью бельгийской полиции, восхвалим мужество парня, смекалку учёного и продуманство Шейха.

Жена Шейха возьмёт меня за руки и проникновенно добавит: «Но если бы не ты, Аня, мы бы никогда не решились на этот дерзкий план! Ты собрала нас в команду, ты почувствовала наш потенциал, и за это мы с Шейхом хотим подарить тебе нормальный ноутбук, часы ролекс, нервущиеся капроновые колготки и, конечно, настоящего арабского скакуна. Наш дворец – твой дворец, и всё такое...».

Мои мысли прервал звук распахнувшейся двери. «Янек Рогович, на выход!» – раздался знакомый бас Тадеуша.

Сумасшедший учёный поднялся, неловко улыбнулся, нашарил под креслом свою котомку и исчез за дверью.

План героического побега отменялся. Придётся ориентироваться по обстоятельствам.

После того, как Янека увели, я решила, что пора взять себя в руки. Ну какая из меня преступница, я же себя знаю. Хотя, насмотревшись героических фильмов, я очень опасалась, что мой сюжет будет развиваться по сценарию «главную героиню подставили».

Я еще решала, какую выбрать стратегию: сразу во всем признаться, не сознаваться до последнего, забыть английский, требовать личного адвоката или расплакаться, как дверь снова грохнула. Тадеуш вырос в дверном проеме:

- Анна ФенИна! Пройдите за мной.

Меня завели в небольшой серый кабинет, велели разложить содержимое рюкзака на столе, а спустя пять минут в комнату вошел Жан. Если взять Внешность Энтони Хопкинса, а голос Никиты Джигурды – вот Жан и получится. Он молча сел на стул передо мной, стул надрывно скрипнул, Жан улыбнулся и сказал:

- Анна ФенИна, прошу отвечать на мои вопросы, нам предстоит определить вашу личность.

Моя личность икнула, затем кивнула, и началось...

Жан задавал мне вопросы на английском, а я отвечала. Но была одна проблема: то ли у Жана было что-то с дикцией, то ли это такой особый бельгийский акцент, но периодически мне казалось, что я говорю с не вполне вменяемым человеком.

- Анна. Так... Провозите ли вы с собой оружие?

- Нет.

- Произведения искусства?

- Нет.

- Металлические грехи?

- Ээээ?..

- Металлические грехи, – повторил Жан по-английски, глядя на меня, как на слабоумную. – Провозите?

- Я... не понимаю!

Жан вздохнул и подошел к моим вещам, изучил их и вернулся на свой стул.

- Вы везёте много ниток, – сообщил затем Жан.

- Это правда, – ответила я с лёгкой гордостью: столько удалось упихнуть в маленький рюкзачок. Связать шарф в Исландии с видом на вулкан было моей давней мечтой! Но на всякий случай уточнила у Жана:

- Это незаконно?

- Это индюк, – ответил он.

Мы посмотрели друг на друга долгими взглядами.

- Это овца, – очень серьезно ответила я, – и немного акрила.

- Это индюк, – повторил Жан без эмоций и что-то записал в свою тетрадь.

Чёрт, что за безумие здесь происходит? Я перестала понимать по-английски? Это тест? Или Жан хотел дать какую-то подсказку? Я почувствовала, как у меня изнутри снова начинает вылезать нервный хохоток. Аня, только не сейчас, держись! Ты на допросе, в конце концов! Я напрягла рот и быстро изобразила приветливую улыбку, мол, всё в порядке, Жан, продолжай.

Жан перешёл на несмешные темы: сколько мне лет, где я живу. А потом спросил, как зовут моих родителей и как-то о-очень внимательно уставился на меня:

- Ну-у... – растерялась я от такого внимания. – Мама Наташа, папа Сережа...

- ПОЛНОСТЬЮ! – вдруг рявкнул Жан (а Вы помните, что он – Джигурда!).

Я вжалась в стул и быстро назвала имена и фамилии родителей. Что стало с Жаном! Он прямо-таки расцвел! Заулыбался, наклонил голову, спрятал тетрадочку:

- Спасибо Вам за беседу, Анна, вы можете быть свободны! – я не двинулась с места.

- Мы закончили! – радостно сообщил он мне. – Вы можете идти!

Я подошла к вещам и вопросительно оглянулась на Жана.

- Это индюк, – кивнул он. – Собирайтесь.

Загрузив всех своих индюков в рюкзак, я, сдерживая истерику, вышла из комнаты, а в коридоре меня уже ждал старый знакомый Тадеуш. Мы снова пошли долгими коридорами, и где-то посередине пути я все-таки осмелилась:

- Извините. Пожалуйста, не могли бы Вы мне объяснить причину моего задержания? – спросила я, нагоняя Тадеуша. Полицейский резко остановился, развернулся, держа руку на кобуре, и вдруг... улыбнулся!

- Вы напугались? Я сожалею. Такова работа...

И наконец-то, как награду за все испытания, узнала всю правду.

Задержали меня неслучайно. Интерпол действительно имел на меня виды. Точнее, не на меня. На другую девушку с моим именем, фамилией, точно такой же датой и местом рождения! Пограничник, который и поднял тревогу, глянул на фото преступницы в компьютере, затем на меня, произвел в своей голове какие-то сопоставления и решил, что надо девчонку брать.

- Мы все потом смотрели: ну не похожа! – доверительно поведал мне Тадеуш.

Но проверять все же пришлось. Как выяснилось, они запрашивали обо мне всю известную информацию, и, судя по нескольким листам, которые Жан просматривал при допросе, её оказалось немало. Интересно, было ли там написано, что я хрюкаю, когда смеюсь? Или что я люблю сыр и ненавижу пуговицы?

Пока я бежала к своему выходу на посадку, мне не давали покоя эти индюки и металлические грехи. И кажется, мне удалось это расшифровать Индюк (It's a turkey) скорее всего слышался мне в фразе (It is OK), сказанной

с сильным акцентом. Хотя может быть, Жан дважды настаивал на турецком происхождении моей пряжи (вдруг он такой спец, потому что любит вязать, расслабляясь между допросами?) Металлические грехи (metal sins) мне дались труднее. Это точно были не металлические вещи – о них Жан уже спрашивал. И все же потом мы я догадалась, что он имел в виду «лекарства» – Medecines – звучит отдаленно похоже.

В тот день мой статус опытной путешественницы вырос в моих собственных глазах до небес. Я прокручивала в голове все произошедшее, поднимаясь по трапу, летя в самолёте и приземляясь в холодной желанной Исландии. Уфф, это было весело, но больше не надо, пожалуйста. Теперь только отдых. Только удовольствие.

Блаженно улыбаясь, я подошла к пропускному пункту и протянула паспорт пограничнику – белобровому скандинаву с почти прозрачными глазами.

- Анна Фенина? – спросил он. – Цель поездки?

- Путешествие, – мурлыкнула я.

- Минуту, пожалуйста, пройдите направо, – скандинав указал головой на пяточок сбоку от пункта пропуска. Я автоматически отошла. За спиной пограничника открылась дверь, и оттуда вышел рыжебородый великан с надписью «Полиция» на груди.

- Прошу проследовать за мной. Вы задержаны по запросу Интерпола.

- Металлические грехи! – чуть не разрыдалась я.